

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛБЧ126

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

x

И М Е Н И

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

1

КРАТКИЕ 3240811 СООБЩЕНИЯ

XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1955

955/2

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

М. Р. РАХИМОВ

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ ТАДЖИКОВ БАСЕЙНА РЕКИ ХИНГОУ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД¹

В исторической и этнографической литературе до настоящего времени почти нет специальных исследований, посвященных земледелию — основному занятию таджиков с древнейших времен. В работах дореволюционных авторов мы находим лишь очень краткие, случайные и отрывочные, а часто и искаженные сведения по отдельным вопросам нашей темы; особенно мало сведений приводится в них о таджиках бассейна р. Хингоу. При этом дореволюционная литература не касалась вопросов социально-экономических отношений, социальных учреждений и институтов, различных форм эксплуатации и закабаления трудовых масс таджикского крестьянства, а также и многих вопросов хозяйственно-бытового уклада таджикского населения; так, например, почти ничего не говорится в этой литературе о народном земледельческом календаре у таджиков бассейна р. Хингоу и соседних районов, об их земледельческих праздниках, своеобразных обычаях и обрядах, связанных с земледелием.

Систематическое изучение истории и этнографии таджиков, в том числе и таджиков горных районов, началось лишь после установления Советской власти — с 1920-х годов. Однако среди опубликованных работ нет еще специальной монографии, посвященной основному занятию горных таджиков — земледелию. Единственной работой, содержащей сведения по этому вопросу, является статья Н. А. Кислякова². Это обстоятельство побудило автора избрать объектом своего исследования историко-этнографическое изучение различных сторон дореволюционного земледелия.

Автор ограничил рамки своего исследования одним, в прошлом глухим и труднодоступным районом нынешнего Таджикистана, полагая, что это обеспечит более полный и глубокий охват материала. Кроме того, материал этот характерен для земледелия таджиков всех юго-восточных горных районов республики.

Работа основана главным образом на материалах автора, собранных им в 1948—1952 гг. в бассейне р. Хингоу (по современному административному делению — на территории Тавиль-Даринского района Гармской области Таджикской ССР).

¹ Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 22 июня 1954 г.

² Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу. «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 108—125.

* * *

Бассейн р. Хингоу расположен с востока на запад, между хребтами Петра I и Дарвазским. Вся долина р. Хингоу (кроме кишлака Ёфуч) до Октябрьской революции входила в состав Дарвазского бекства Бухарского ханства. В настоящее время весь бассейн р. Хингоу составляет Тавиль-Даринский район Гармской области Таджикской ССР.

До Октябрьской революции кишлаки, расположенные в бассейне р. Хингоу, в связи с отсутствием удобных путей сообщения были отрезаны не только от других районов и областей Восточной Бухары, но и один от другого, особенно зимой. Для сообщения с соседними районами население должно было преодолевать высокие перевалы, достигающие более 4 тыс. м над уровнем моря, по которым проходили узкие, каменистые и опасные тропы.

Климат высокогорной долины р. Хингоу суровый. Снега выпадает очень много, и снежный покров держится здесь от пяти до шести месяцев, а в некоторых местах — до шести с половиной месяцев.

В прошлом немногочисленное население, жившее в бассейне реки Хингоу, как и во многих других районах Восточной Бухары, было бедным и отсталым, хозяйство носило натуральный характер.

Основными занятиями жителей были земледелие и экстенсивное скотоводство. Но вследствие недостаточного количества земельных площадей, а главное, из-за неравного распределения их (большая часть земли была сосредоточена в руках немногочисленных баев, феодалов), крестьяне не могли полностью обеспечить себя урожаем со своих полей. Скотоводство наравне с земледелием играло большую роль в хозяйственной жизни крестьян. Оно снабжало их продуктами питания — маслом, молоком, сыром, салом, мясом, а также шерстью и кожей, необходимыми для изготовления домашнего сукна, обуви и пр. Из шерсти изготавливали также различные изделия — кошму, веревки, чулки, перчатки, скатерти, хурджины и многое другое.

В бассейне р. Хингоу существовали мелкие кустарно-ремесленные промыслы: ткацкое, кузнечное, гончарное производство, производство деревянных изделий и др. Все они имели характер домашнего производства. Здесь не была развита кустарная промышленность, продукция которой сбывается на рынке и является основным источником денежного дохода хозяйства, а существовал лишь промысел, являвшийся второстепенным занятием земледельца — занятием, которому он уделял лишь свободное от полевых работ время, то есть главным образом зимний период. Продукция этих промыслов была недостаточна и не удовлетворяла потребности населения, поэтому оно имело торгово-меновую связь с соседними районами, главным образом, с Ванчем, Дарвазом, Каратегиним, Кулябом и др. Отсутствие базаров и недостаток промышленных товаров в бассейне р. Хингоу ухудшали положение трудящихся масс.

Советский строй в корне изменил всю жизнь трудящихся горных таджиков. За годы Советской власти, благодаря неустанной заботе партии и Советского правительства, сильно поднялся хозяйственный и культурный уровень трудящихся бассейна р. Хингоу.

Основной отраслью народного хозяйства бассейна р. Хингоу и в настоящее время является земледелие и животноводство, но наряду с ними широкое развитие получили шелководство, садоводство и огородничество.

Земледелие сейчас развивается быстрыми темпами благодаря применению новых агротехнических приемов и постепенному внедрению новой техники. В Гармской области (в Таджикабадском районе) имеется машинно-

тракторная станция, и там, где позволяет рельеф местности, вспашка производится тракторами. Во многих местах применяется пароконный плуг и железная борона. Все колхозы имеют автомашины, брички, заводские веялки и т. д.

В районе имеется электростанция, радиостанция, кинотеатр, почта и телеграф, амбулатория, аптека и другие культурно-просветительные и бытовые учреждения. В каждом кишлачном совете есть медицинский пункт, где больных лечат квалифицированные медицинские работники. Зажиточными и культурными стали таджики-колхозники.

* * *

До революции в бассейне р. Хингоу техника земледелия была очень низка, а порой и примитивна. Вместе с тем исконные земледельцы, таджики бассейна р. Хингоу, как и таджики других мест, — хотя и не владели точными научными знаниями, но обладали огромным запасом эмпирических знаний, которые накапливались веками и передавались из поколения в поколение. Эти знания помогали таджикам-земледельцам возможно лучше использовать свои орудия и приспособлять их к местным условиям.

Главнейшими орудиями земледельческого труда были деревянный плуг (*сипор*), с железным или чугунным наконечником (*охани джуфт*), мотыга (*каланд*), борона (*чапар*), деревянная лопата (*курчак*), железная лопата (*бел*), вилы (*шохин*) и др. Для ирригационных работ применялись также бревно-рычаг (*орами чуви*), тесло (*теша*), кирка (*зогул*) и топор (*тавар*).

В бассейне р. Хингоу, в зависимости от рельефа полей, применялись различные способы обработки земли, а также тот или иной вид плуга: маленький для обработки полей на крутых и каменистых склонах (*сипори бармол*) и большой тяжелый плуг, предназначенный для пахоты на более пологих и ровных землях (*сипори тахдашт*).

Основным перевозочным средством служили сани-волокуши. Существовало три вида саней-волокуш: а) сани-волокуши (*чигинаи галлакаши* или *чигинаи калкаши*) прямоугольной формы для перевозки сжатого хлеба и сена; б) сани-волокуши (*чигинаи санкаши*, *чигинаи порукаши* и *чигинаи гандум (джава) каши*) для перевозки камней на постройки, навоза, а также мешков с зерном с тока домой и в) сани-волокуши (*чавра* или *беза*), служащие для перевозки мякины с тока в помещение, где хранился фураж. Последние снабжены были особым приспособлением в виде открытой сверху корзины, прикрепленной к основанию волокуши. С одной стороны эта корзина прикрывалась не закрепленным наглухо щитом (служившим дверцей).

В условиях горной местности часто даже сани-волокуши не могли пройти к посевным и сенокосным участкам. Тогда крестьянам приходилось переносить урожай и сено на себе (*пуштора*) или спускать снопы вниз волоком, уложив их на большие ветки или на деревца с ветвями. Такой способ спуска снопов назывался *шохмола*.

Среди хлебных злаков преобладали пшеница и ячмень. Бобовые и различные культуры играли второстепенную роль.

Поля удобрялись плохо. Запасы навоза были невелики, так как большинство хозяйств имело мало скота, и, кроме того, навоз в высушенном виде использовался также в качестве топлива. Трудно было и доставлять удобрение на поля, лежащие далеко от селения. Главным удобрением была зола, которая выносилась только на участки, находившиеся вблизи селений.

Из других агротехнических мероприятий практиковалось оставление земли под черный и зеленый пар, а также широко применялся способ искусственного ускорения таяния снега на полях путем посыпания его землей. Горный земледelec путем длительных наблюдений пришел к применению этого трудоемкого, но верного способа удлинения вегетативного периода. Этот способ продолжает применяться и в современной колхозной практике.

Плодосмена, то есть чередования засеваемых культур, а тем более правильного севооборота, в обследуемом районе не было.

Пахота и посев совершались в основном тремя способами: *пешсипор*, *пешчапар* и *дураха*. При способе *пешсипор* пахарь бросал семена на нераспаханную землю, а затем производил вспашку. При способе *пешчапар* пахарь прежде всего вспахивал землю, а следующие за ним с мотыгами люди очищали ее от корней сорных растений, и только после этого на распаханную землю бросали зерна и бороили участок бороной (*чапар*). При способе *дураха* предварительно пахали землю и очищали ее от всех сорняков, затем на распаханном поле производили сев и высеянные семена запахивали плугом. Таким образом, при этом способе посева поле вспахивалось два раза.

Раньше всего производили посев пшеницы, а затем — ячменя и разных бобовых культур.

В бассейне р. Хингоу большинство посевов производилось под дождь (*ялми*) и лишь до 25 % — на орошаемых землях (*ови*). Запашка поливных земель производилась обычно после богарных (неполивных) посевов.

Проведение оросительной сети в условиях сложного горного рельефа требовало от горцев громадных усилий и труда, так как были неизбежны каждую зиму разрушения каналов и других сооружений снежными обвалами и осыпями горных пород.

В проведении арыков и других оросительных сооружений участвовали все крестьяне, имевшие в своем пользовании хотя бы малейший клочок поливной земли. Работы эти проводились коллективом, в чем мы можем видеть следы сельской общины. Крестьяне, не принимавшие участия в общественной работе без уважительных причин, лишались права пользоваться водой из общественного канала.

Организаторами этих работ были местные феодалы, кишлачные старосты (*арбоб*) и чиновники, ведавшие распределением воды (*мироб*).

Число поливов зависело от обеспеченности кишлака водой, а также от количества выпадающих осадков и колебалось от 2 до 8 раз за вегетативный период. Злаки поливали обычно до достижения ими восковой спелости, после чего поливать считалось вредным, так как это препятствовало затвердеванию зерен.

По мере созревания хлебов приступали к уборке. Время уборки урожая зависело от высоты расположения того или иного селения. Орудием жатвы являлся большой незазубренный серп. Молотьба производилась при помощи бороны-волокуши (*чапар*), влекомой парой волов по развязанным и разложенным на току снопам, или же выбиванием зерен из колосьев с помощью волов, гоняемых по кругу по снопам, — способом *галлагов*.

После того как колосья и стебли в процессе молотьбы окончательно размельчались, их собирали в большую кучу, имевшую овальную форму (*хара*), а затем приступали к веянию. Отвеянное зерно собирали в кучу (*чошт*) и еще раз очищали, просеивая через решето.

Из всего сказанного видно, в каких трудных условиях приходилось горному таджику заниматься земледелием. При низком уровне произво-

дительных сил, развитие которых сковывалось господствовавшими в бассейне р. Хингоу до революции патриархально-феодальными отношениями, суровые природные условия ощущались особенно остро и были весьма неблагоприятными для земледелия. Но и в этих тяжелых условиях горные таджики проявляли неистощимое упорство и трудолюбие. Однако при общем крайне низком уровне сельскохозяйственной техники им удавалось получать лишь очень низкие урожаи.

В настоящее время в технике и методах выращивания урожая произошли громадные изменения. Значительно возросло количество и качество высеваемых сортов злаков, расширился состав выращиваемых культур. Достаточно упомянуть о широком распространении культуры картофеля, льна-кудряша и др. Широкое применение своевременных озимых посевов, не дававших раньше из-за неправильных сроков сева хороших результатов, в настоящее время является важным фактором, обеспечивающим устойчивый высокий урожай зерновых культур. Следует отметить также систематическое удобрение полей, в первую очередь навозом, большие запасы которого скапливаются теперь на колхозных животноводческих фермах.

* * *

Как указывалось выше, бассейн р. Хингоу в прошлом в административном отношении входил в состав Дарвазского бекства. До второй половины XIX в. Дарваз управлялся полунезависимыми родовыми шахами-правителями. С 70-х годов XIX в. Дарваз был завоеван Бухарским ханством и превращен в одно из его бекств. В Дарвазе, как и в других бекствах, эмир бухарский назначал беком одного из своих близких сановников, который являлся в своей области полновластным правителем (*мир* или *мири саркарда*).

Дарвазское бекство разделялось на семь амлокдорств (административно-податных округов), четыре из которых находились в бассейне р. Хингоу: Чильдаринское, Тавиль-Даринское, Сагырдаштское и Лоджирское (Вахъёи боло). В каждое амлокдорство эмир бухарский или дарвазский бек назначали податного начальника (*амлокдор*), который назывался также миром. Амлокдорствами управлял целый штат администраторов, имевших определенные чины. Все эти чиновники назывались *саркарда* или *амалдор*. Крестьяне (*факир* — бедный, неимущий) назывались *факири мири* или *халки мири* — т. е. мирские люди, подвластные местному правителю. Местные правители жестоко эксплуатировали крестьянские массы. Эксплуатация заключалась в основном в присвоении феодальной ренты в разных ее формах.

В бассейне р. Хингоу, как и в других районах Восточной Бухары, господствовала феодальная форма земельной собственности — основа феодализма. Здесь имели место типичные феодальные отношения, для которых характерна сословная иерархическая собственность на главное средство производства — землю. Вся земля разделялась на четыре основные категории: 1) земли правителя или мира (*замини шохи* или *замини мири*); 2) вакуфные земли или земли мазара (*замини вахм* или *замини мазори*); 3) частновладельческие земли (*мулк*), среди которых различали наследственные владения (*мулки мавруси*, *мулки мириси*, *мулки бобиги*, *мулки падари*) и приобретенные владения (*мулки зархарид*, букв. „купленное за золото“); 4) общинные владения (*мулки омма* или *замини госу'ом*).

Имеющиеся у нас материалы говорят о том, что земли всех перечисленных категорий фактически принадлежали верховному правителю страны — шаху или миру.

Крестьяне бассейна р. Хингоу платили правителю феодальную ренту в виде многочисленных налогов. Налоги эти были следующие: 1) налог с урожая в размере $\frac{1}{10}$ части всего валового сбора (*ушр*); 2) налог со скота в размере $\frac{1}{40}$ части поголовья скота; 3) подать с крестьян, живущих у дороги к резиденции правителя, в размере одной овцы в год (*кунурга-закот* или *чорвои кунурга*); взимаемые деньги шли на содержание проезжавших с поручением мира и его слуг (*наукар*) и взимались даже с хозяйств, совсем не имевших скота; 4) подымная подать (*дудуна*), тоже в размере одной овцы в год (накануне революции овцу заменяли две тенги) и 5) денежная подать (*амал*) в размере 5 тенег в год, а также различные сборы, предназначавшиеся как миру, так и многочисленным феодалам-амалдорам. Так, например, осенью с тока крестьянин давал по одному деревянному блюду зерна (около одного пуда) старосте кишлака (*арбоб*), сборщику налога — (*мушириф*), мелкому податному начальнику (*мирхазор*), судье (*казию*), блюстителям мусульманских прав и законов шариата (*раис* и *муфтий*), не считая того, что давалось местному духовенству и др. Кроме того, крестьяне несли еще многочисленные трудовые повинности (*бегори*, *улав* и пр.).

Крестьяне должны были платить все эти виды налогов, так как они, во-первых, работали на землях правителя, во-вторых, фактически были прикреплены к земле.

Феодалы вместе с амалдорами жестоко эксплуатировали крестьян через институты *шарики* и *хашар*. Эти институты, первоначально бывшие — шарики — формой простой кооперации малоимущих крестьян, а хашар — формой родовой, позднее соседской взаимопомощи, — впоследствии превратились в самые жестокие формы эксплуатации и закабаления — издольную аренду и барщину. Феодалы использовали труд крестьян для проведения ирригационных сооружений, ремонта и постройки мостов, мирских помещений, прокладывания и ремонта дорог, для очистки снега с мирских дворов и крыш их домов и т. д. Большинство этих работ исполнялось путем безвозмездной мобилизации крестьян со стороны представителей государственного аппарата.

Таким образом, крестьяне (халки мира или факири мира) по существу являлись неполной собственностью феодалов, которые безвозмездно пользовались их трудом при обработке полей, сборе и молотбе урожая. Часто правитель страны передавал своим чиновникам право взимать в свою пользу налоги с некоторого числа крестьянских дворов (*танхо*). Крестьяне, отданные в танхо, кроме уплаты основных налогов, несли барщинную повинность и были полностью зависимы от своих танходоров.

В бассейне реки Хингоу издавна существовала купля-продажа и другие формы отчуждения земель; для верховного собственника не имело существенного значения, в чьих руках будет находиться земля, он интересовался только своевременным поступлением налогов. Крестьяне, владевшие отцовскими и дедовскими владениями (*мулки подари* и *мулки бобиги*), имели право отчуждать земли этой категории (продавать, отдавать во временное пользование, передавать по наследству и т. д.), чему местные правители абсолютно не препятствовали. Это право отчуждения маскировало принадлежность земли государству и создавало в глазах крестьян видимость того, что земля эта является их собственностью. При продаже участка земли, лицо, приобретавшее его, продолжало платить государству те же налоги, которые платил прежний владелец.

Факты показывают, что при отчуждении земель со стороны местных феодалов практиковались различные злоупотребления. Большинство зе-

мель, находившихся раньше во владении и пользовании крестьян, постепенно было захвачено различными путями баями и амалдорами. Крестьяне часто оказывались в таких условиях, что не только соглашались на отчуждение своего клочка земли, но и выступали инициаторами этого отчуждения.

Часто феодалы присваивали крестьянские земли под видом временного пользования (*орият*), закладов (*иджора*, *гараг*) и т. д., превращали их в свои владения, и широко использовали на них за самую низкую оплату труд безземельных и малоземельных крестьян.

Очень распространены были различные формы издольной аренды, при которой крестьяне отдавали владельцам земли не менее 50% урожая и солому. Крестьяне работали в качестве издольщиков (*шарик*), батраков (*мардикор*), поденщиков (*даравгар*) и т. п.

Захваты земель и частые споры из-за земель в бассейне р. Хингоу были обычным явлением. Еще чаще такие споры и земельные конфликты происходили вследствие резкой чересполосицы. Богатый сосед по участку всегда стремился захватить участок земли своего бедного соседа. Процесс концентрации земель в руках отдельных феодалов в бассейне р. Хингоу особенно усилился в годы перед установлением Советской власти.

Из приведенных выше фактов видно, что крестьяне, как факири мираи или халки мираи, так и танхо, в бассейне р. Хингоу до революции находились фактически на положении крепостных (без формального закрепощения). Они обрабатывали в принудительном порядке мирские земли, безвозмездно работали на полях феодалов и танходоров и обычно находились в кабальной зависимости от последних. Личная зависимость крестьян от феодалов фактически имела место, хотя не была оформлена законодательным путем.

Разнообразные виды феодальной зависимости продолжали существовать вплоть до установления Советской власти.

* * *

В своей производственно-хозяйственной деятельности земледельцы-таджики пользовались самобытным календарем и системой мер, выработанными ими еще в глубокой древности. Собранные нами материалы по народной системе мер показывают, что таджики бассейна р. Хингоу и соседние с ними таджики Дарваза и Каратегина издавна имели своеобразную систему мер сыпучих тел, веса, длины, поверхности и т. д., хотя эти меры и были у них весьма несложными. Наши материалы опровергают утверждения некоторых дореволюционных авторов (проф. И. Н. Березина, Г. А. Арандаренко, И. П. Минаева, Н. Юхновского, А. Е. Снесарева и др.) о том, будто бы горные таджики Дарваза и Каратегина, в том числе и бассейна р. Хингоу, не имели даже понятия о каких-либо системах измерения. Очень важным для земледелия, являвшегося основной отраслью хозяйства, был народный календарь. Земледельческое население с помощью этого календаря могло ориентироваться во временах года и в сроках сельскохозяйственных работ.

Народный календарь таджиков бассейна р. Хингоу за время своего существования подвергся воздействию арабского, монгольского и тюркского календарей и впитал в себя некоторые их элементы. Но это не значит, что таджикский народный календарь утратил свою самобытность. Напротив, таджикский народ сохранил и усовершенствовал свой выработанный в глубокой древности календарь, который сохранялся в глухих местностях горного Таджикистана почти до времени распространения современного международного времяисчисления.

Одной из самобытных и очень древних форм земледельческого народного календаря горных таджиков, в том числе и таджиков бассейна р. Хингоу, является исчисление времени и сроков наступления сельскохозяйственных работ по особому счету по частям тела человека. Этот счет называется «счет по мужчине» (*хисоби мард*), или «солнце в мужчине», (*афтов дар мард*), или «пятьдесят дней мужчины» (*панджози мард*), или «знаки», «периоды» (*нишун*). Этот счет до последнего времени был широко распространен по всей территории Памира и соседних с ними горных районов. Ареалы распространения этого календарного счета на основании собранных нами данных определяются в следующем виде. Он когда-то был распространен на всей территории современной Горно-Бадахшанской автономной области, в Калаи-Хумбском районе, в бывшем Сангворском районе и в восточной и юго-восточной частях Тавиль-Даринского района Гармской области, начиная от кишлака Савзихарф вниз по течению р. Хингоу до кишлака Хур, а также по всей территории долины р. Калаи Хусайн (левый приток соседнего течения р. Хингоу) и в кишлаках, расположенных у северных отрогов Дарвазского хребта.

Счет начинался с конца декабря, когда заканчивались все сельскохозяйственные работы. В это время начинался сорокадневный период, называемый повсеместно в горном Таджикистане, а также в некоторых других районах Средней Азии, *чилля*. Этот период разделялся на две части: «большая чилля» (*чиллаи калу*), которая состояла из 40 дней, и «малая чилля» (*чиллаи хурдак*), состоящая из 20 дней. После окончания обеих чиллей, приблизительно с 20 февраля, наступал период «солнца в мужчине», который распадался на периоды: «подошва и ногти» (*паику козун*), «лодыжечная кость» (*харк, биджилак*), «голень» (*линг*), «колено» (*зону*), «бедро» (*коровсу*), «половой орган» (*харомез*), «поясница» (*камар*), «сердце или новый год» (*дил*, или *науруз*) и «начало года» (*сари сол*, *соли нае*). В каждом периоде солнце находилось от 3 до 7 дней. Этот счет имел различные варианты.

В бассейне р. Хингоу и в некоторых горных районах сохранялись некоторые доарабские названия месяцев, которые соответствовали фенологическим признакам. Как известно, этот принцип лежит в основе исчисления времени у ряда народов, в том числе и у припамирских народностей, у которых он сохранился лучше, чем у таджиков бассейна р. Хингоу.

В бассейне р. Хингоу, в Дарвазе и в Каратегине от этого счета в памяти стариков сохранились названия следующих весенних, летних и осенних месяцев: 1) *хингом*х (серый, некрасивый месяц), 2) *савзом*х (зеленый месяц), 3) *бурмом*х (бурый месяц), 4) *хумназ* (поспевший, не дойдя до зрелости — относительно посевов), 5) *мохи сангасп* (накаляющий камень) и 6) *мохи баргерези* (листопад).

Таджики бассейна р. Хингоу хорошо знали и точно определяли наступление времен года и начала того или другого сельскохозяйственного процесса по заметкам, сделанным на восходе и закате солнца на приметных местах в окрестных горах — на острых выступах гор, впадинах, деревьях, росших на вершине горы, больших камнях, ущельях и т. п. Годовое движение солнца также определялось ими по заметкам, нанесенным в домах и мечетях в местах падения солнечных лучей в то или иное время года. Для определения времени года по солнцу на окружающих данное селение горах намечались четыре главные приметные точки. Между каждыми двумя точками делались три дополнительные приметные точки, при помощи которых узнавали месяцы каждого сезона. За время движения солнца от одного пункта до второго протекал один месяц какого-либо времени года. Наблюдение восхода и заката солнца в этих приметных точках производилось всегда с определенного места —

через отверстия в стенах домов или со специального открытого места около мечети, где обычно помещали большой камень.

Итак, мерилом времени у таджиков бассейна р. Хингоу, как у многих горных таджиков Памира, Каратегина, Гиссара, Куляба и других областей, как и у всех земледельческих народов, служило движение солнца.

Чрезвычайно важными для практики земледельческого населения горных таджиков являлись фенологические наблюдения — время прилета и отлета птиц, цветения разных трав и растений и другие наблюдения. По этим приметам население узнавало начало весны, начало пахоты и сева, прополки, полива, уборки и обмолота зерновых культур. Характерной особенностью крестьянских наблюдений над природой являлось то, что земледелец проводил свои наблюдения в течение многих лет над одними и теми же объектами, в одном и том же месте, и в результате этого его наблюдения отличались большой точностью. Отдельные моменты этих наблюдений были насыщены элементами мифологии.

Наряду с народным земледельческим календарем среди горных таджиков был распространен мусульманский солнечный и лунный календарь, а также тюрко-монгольское летоисчисление по двенадцатилетнему животному циклу.

* * *

Древняя земледельческая культура таджиков нашла яркое отражение в земледельческих обычаях и обрядах. Горные таджики, несмотря на влияние господствующей религии ислама, в значительной степени сохраняли свои древние доисламские верования, обычаи и обряды. Мусульманское духовенство нередко пользовалось этими обычаями и обрядами, в том числе и земледельческими, облекая их в мусульманскую религиозную оболочку и тем самым усиливая свое влияние на темные и отсталые массы населения горных долин бывшей Восточной Бухары.

У населения бассейна р. Хингоу из древних обрядов следует прежде всего отметить первое ритуальное посыпание снега на полях землей (*хокзани*) и первую ритуальную запашку (*джуфт барори*). К посыпанию на полях снега землей и проведению первой борозды приступали во вторник или среду, так как эти дни считались наиболее «легкими» и «удачливыми». В этот день для освящения начала работы выходил старый, опытный и обладавший достатком старик-земледелец, называемый в бассейне р. Хингоу *шавгуни*, исполнявший функции древнего жреца и олицетворявший собою патрона (*нир*) земледелия, которого называли дедом-земледельцем (*бобои дехкон*). До него никто не решался начать хокзани, пахоту или посев. После него, на следующий день, приступало к пахоте и севу остальное население.

Шавгуни вечером приносил в мечеть угощение (*гов-юги* или *джуфтбарорун*), состоящее из маленьких лепешек, и раздавал их всем. Шавгуни таджиками бассейна р. Хингоу почитался как живое воплощение «деда-земледельца», и звание его раньше было наследственным.

Народные земледельческие праздники тоже имеют древнее происхождение. Празднование начала мусульманского солнечного месяца (*хут*), приходящегося на 18 февраля, нового года (*науруз* и *сари сол* или *соли нав*), последней среды месяца сафара (*чормамбеи охирун*), празднование сбора урожая (в каждом отдельном хозяйстве) тесно связаны с земледелием и являются древними. Обычаи и обряды, связанные с этими праздниками, содержат в себе много следов магии и имеют связь с огнепоклонством. В этих праздниках ярко выделяются народные и официально-мусульманские черты. В бассейне р. Хингоу, в Каратегине и Дарвазе

существовали два праздника начала нового года — *науруз* и *соли нав* или *сари сол*. Последний был приурочен к началу земледельческого года и являлся древнейшим традиционным народным праздником в отличие от иранского науруза, носившего здесь характер религиозного праздника, а отчасти и детского развлечения. На науруз ученики старой школы устраивали шествие с цветами (*гулгардони*).

Кроме того, существовал официальный новый год — новый год правительственного аппарата, который праздновался намного позже, чем новый год крестьян. Существование двух праздников — официального и народного — имеет свою историческую традицию, о чем свидетельствуют сообщения М. Наршахи, относящиеся к Бухаре Х в., и К. А. Иностранцева, относящиеся к сасанидской Персии.

У населения бассейна р. Хингоу до недавнего времени существовали многочисленные магические обряды, связанные с заклинаниями для вызывания или прекращения дождя. Магические действия заключались в коллективных жертвоприношениях на священных местах, мазарах и у почитаемых деревьев, а также в обливании водой участников додольских процессов и пр.

У таджиков существовало анимистическое представление о душе земли. Считали, что поле, на котором еще не убран урожай, имеет душу, и она уходит из него, когда заканчивается жатва. Поэтому, заканчивая жатву на своем поле, земледелец молился и 3 раза громко произносил: «О бог» (Ёллох) — слово, которое обычно повторялось перед умирающим, чтобы последний подхватил его и испустил душу без мучений. Если в жатве участвовало несколько человек, то они, заканчивая жатву, пели песню «О бог» (Ёллох) или «Я горюю», или «Я скорблю» (Ман дог), обняв друг друга за шею. Ритуальная песня и громкий крик жнецов, заканчивающих жатву, свойственен многим народам мира, и нам кажется, что «Ман дог» не являлась трудовой песней (как это принято считать в таджикской фольклористике), а скорее всего была ритуальной песней, связанной с умиранием духа поля. Момент окончания жатвы на поле называли «временем выхода души земли» (*вахти джунбарони замин*). В настоящее время песня «Ман дог» утратила ритуальный смысл и исполняется как трудовая песня.

Существовали и различные другие магические обряды, связанные с жатвой, молотьбой, веянием, измерением блюдами полученного урожая.

Многочисленные земледельческие магические обряды, а также почти-тельное благоговейное отношение таджиков бассейна р. Хингоу к земледелю — одно из свидетельств глубокой древности этого исконного занятия таджиков.

Общий низкий уровень культуры горных земледельцев и незнание причинной связи явлений вызывали у них чувство бессилия перед природой и обуславливали бытование суеверий и в частности веры в добрых и злых духов, оказывающих влияние на всю жизнь человека, в том числе и на его хозяйственную деятельность. Следствием этого явились магические обряды, соблюдавшиеся при выполнении почти каждого трудового процесса и имевшие целью умилостивить духов и этим способствовать получению обильного урожая в трудных природных условиях горной страны. Нередко соблюдение этих обрядов наносило прямой вред хозяйственной деятельности таджика.

За годы Советской власти, в условиях социалистического преобразования таджикской деревни, при коллективном ведении сельского хозяйства коренным образом изменилась психология таджикских крестьян-земледельцев.

Общий рост социалистической культуры привел к отмиранию и исчезновению старых анимистических представлений о природе. Почти все рассмотренные нами обычаи и обряды, связанные с выращиванием урсажа, уже полностью утратили свое значение и сохранились лишь в воспоминаниях старшего поколения колхозников. На смену им пришло сознательное управление природой, сознательная борьба за высокий урожай.

Правда, в условиях горной страны техника земледелия не могла шагать вперед так резко, как в равнинах. В большинстве мест не может быть применен трактор, а во многих местах даже и обычный плуг. К сожалению, наши конструкторы еще не создали новые виды плуга, приспособленные для пахоты на горных склонах. Тем не менее, установление новых социалистических отношений и победа колхозного строя неузнаваемо изменили жизнь таджиков бассейна р. Хингоу. Резкое повышение материального и культурного уровня колхозников нашло свое отражение и в повышении земледельческой культуры, в применении комплекса агротехнических мероприятий.

Неизбежные до революции ежегодные голодовки остались только в памяти стариков. С полей собираются невиданные прежде урожаи, обеспечивающие населению зажиточную жизнь. В районе получили широкое развитие новые отрасли хозяйства — шелководство, разведение новых видов овощей (картофеля и др.); в области животноводства получило распространение тонкорунное овцеводство и др.

Таджикский народ, в том числе и горные таджики, под мудрым руководством Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, в теснейшем сотрудничестве с другими народами нашей страны, уверенно идущими по пути к коммунизму, борется за дальнейшее развитие основных отраслей народного хозяйства — земледелия и животноводства, за максимальное повышение своего материального благосостояния и культуры.

Лб41 26

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—1958

М. Р. РАХИМОВ

**СЛЕДЫ ДРЕВНИХ ВЕРОВАНИЙ
В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ
ТАДЖИКОВ КАРАТЕГИНА И ДАРВАЗА
В XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

Таджики, как известно, являются носителями древней земледельческой культуры. С этим исконным и основным занятием народа связан обширный круг его верований и обрядов.

В связи со слабым развитием в прошлом производительных сил и отчасти географической изолированностью районов Каратегина и Дарваза следы древних верований сохранялись там вплоть до установления Советской власти, несмотря на сильное влияние господствовавшей религии ислама.

Древние земледельческие обычаи и обряды таджиков почти не подвергались специальному исследованию. До революции исследователи лишь изредка касались этого вопроса¹.

После победы Октябрьской революции и установления Советской власти в Туркестане началось систематическое изучение культуры и быта народов Средней Азии. Особенно много сделали в этом направлении этнографы М. С. Андреев, Е. М. Пещерева и другие. В опубликованных ими отчетах и статьях² встречаются описания некоторых любопытных обычаев и обрядов, связанных с земледелием таджиков, в том числе и таджиков Каратегина и Дарваза. Обычаи и обряды, связанные с земледелием, приводятся также в статье Н. А. Кислякова «Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земле-

¹ А. А. Бобринский. Орнамент горных таджиков (Нагорная Бухара). М., 1900, стр. 14; его же. Горцы верховьев Пянджа, ваханцы и ишканимцы. М., 1908, стр. 97—98, 101—107; Н. В. Богоявленский. В верховьях Аму-Дарьи (долина р. Хингоу и Ванча). «Землеведение», т. VIII, 1901, кн. 1—2, стр. 20; А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 90—91; В. Ф. Новицкий. Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 года. «Известия Русского географического общества», СПб., 1903, т. XL, вып. 1—2, стр. 10; М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахат. Сб. МАЭ, IX, вып. 1931, стр. 12—32.

² См. М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. «Известия Туркестанского отд. РГО», Ташкент, 1925, т. XVII, стр. 121—140; его же. По этнографии таджиков (некоторые сведения). Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 151—177; его же. По поводу процесса образования примитивных среднеазиатских цехов и цеховых сказаний (рисали). «Этнография», 1927, № 2, стр. 323—326; его же. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Север Ферганы). «Известия об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами». Ташкент, 1928, т. I, стр. 109—129; Е. М. Пещерева. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда. Сб. «В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 374—384 и др.

делием, у таджиков бассейна реки Хингоу»³. Однако к планомерному изучению религиозных верований, обычаев и обрядов горных таджиков сектор этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР приступил лишь в 1948 г. Настоящее сообщение основано на историко-этнографических материалах, собранных автором в 1948—1954 гг. в Каратегине и Дарвазе.

* * *

В земледельческих праздниках Каратегина и Дарваза сохранилось множество древних пережитков, связанных с обновлением природы и началом сельскохозяйственных работ.

Праздник наступления солнечного месяца *хут*, приходящийся на 18—20 февраля, и праздник весеннего равноденствия — на Новый год (*навруз* и *соли нав*) у таджиков Каратегина и Дарваза были тесно связаны с земледелием. К обычаям и обрядам Нового года следует отнести нанесение на стены домов символических рисунков в виде рога барана-производителя, обряды очищения дома, ритуального окуривания его специальными травами, приготовление ритуальных кушаний, принесение в жертву скота, различные игры, развлечения и др.

К празднованию Нового года население начинало готовиться за 10—15 дней до него. Почти в каждом доме для приготовления ритуального блюда *суманак* (киселя из пшеничного солода) специально высевали в глиняных тазах 2—3 кг пшеницы. Варка суманака сопровождалась рядом магических обрядов, причем присутствие посторонних женщин не допускалось, так как считалось, что кисель от этого может испортиться.

В ночь под Новый год и вечером после его наступления каждая хозяйка окуривала дом. Для этого на глиняный черепок клали горячие угли, поверх которых насыпали сушеный, мелко нарезанный болотный лук, после чего черепок помещали на почитаемое место в доме. Дом окуривали дымом кориандра или же травой руты, имевшими ритуальное значение. Эти травы сыпали также в очаг. О таком новогоднем окуривании у горцев верховьев Пянджа упоминает и А. А. Бобринский⁴.

В ночь под Новый год около почетного столба дома зажигали три светильника — небольшие палочки, обернутые куском ткани, пропитанной маслом. В домах, где имелся ткацкий станок, светильники ставили около углубления для ткацкого станка.

Эти действия были связаны с пережитками анимистических представлений о духах-предках. Считалось, что в праздничные вечера духи предков посещают свои дома, проверяя, заботятся ли о них их потомки, и что отсутствие следов окуривания или зажженных свечей печалит их и они с плачем уходят; если же духи видят, что дом окурен и свечи зажжены, они радуются и могут принести благо и счастье в наступающем году.

В день Нового года женщины и девушки собирались под каким-либо деревом, пели песни и качались на качелях. Старухи также принимали в этом участие, так как считалось, что при качании на качелях ветер уносит грехи качающихся. Этот обычай, судя по литературным данным, является традиционным не только у таджиков, но и у других народов Средней Азии, Ирана⁵ и Афганистана.

³ «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 108—125.

⁴ А. А. Б о б р и н с к и й. Горцы верховьев Пянджа, стр. 97.

⁵ См. А. G a u e t. L'Art Persan. Paris, 1895, стр. 295, где приводится миниатюра, изображающая качание на качелях иранских женщин; К. А. И н о с т р а н ц е в. Сасанидский праздник весны. Сасанидские этюды. СПб., 1909, стр. 100.

В дни новогоднего праздника взрослые и дети играли крашеными яйцами и катали их. Этот обычай, тесно связанный с сельскохозяйственным культом, характерен, как известно, и для многих славянских народов.

Несомненно связано с земледелием и обрядовое хождение юношей с цветами по домам селений и исполнение ими колядовых песен накануне дня весеннего равноденствия (навруз); обычай этот называется *гулгардони* (букв. «ношение цветов»). В этот день к длинной палке привязывали букет из бумажных или живых цветов, и группа молодежи с песнями, посвященными весне, носила их по дворам селения. Хозяева дворов одаривали их мукой, зерном, маслом, сушеными фруктами и пр.

Этот обычай был широко распространен у таджиков и узбеков Самарканда, у равнинных таджиков Ленинабада и Ура-Тюбе под названием *бойчечак* — подснежник; у таджиков Исфа́ры и других мест он называется *туи гули лола* — праздник тюльпана⁶. По своему характеру обряд ношения цветов соответствует древнехорезмийскому празднику *каландас*⁷ и широко распространенному древнему славянскому аграрному празднику майского дерева⁸.

Обрядовое ношение цветов, как бы оповещавшее крестьян-земледельцев о наступлении весенних работ, было непосредственно связано, очевидно, с празднованием обновления и оживления всей природы. Подарки, раздаваемые молодежи во время их хождения по домам, связаны, вероятно, с умилостивлением духа растительности.

Много различных обрядов, носящих характер очищения от бед и несчастий, приурочено к празднику последней среды мусульманского лунного месяца сафар⁹, на который, несомненно, перенесены обряды какого-то старинного земледельческого праздника.

Таджикский историк Х. в. Мухаммад Наршахи называет этот праздник *шаби сури* и считает его древним обычаем, приходящимся на канун Нового года¹⁰.

В последнюю среду месяца сафара вечером перед закатом солнца в каждом квартале по древнему обычаю на улицах разжигали костры и все собравшиеся женщины и дети, а часто и мужчины, по очереди три раза перепрыгивали через огонь; делалось это с целью избавления от всяких болезней, несчастий и бедствий, очищения от грехов, накопившихся за весь год. При перепрыгивании через огонь произносили различные причитания, пожелания, но чаще всего обращались с просьбой к богу и духам предков о здоровье, счастливой жизни, о ниспослании хорошего урожая, об удалении злых духов, демонических существ и т. д.

В Южном Дарвазе в канун этого дня разжигали большой костер, а с двух сторон костра ставили по кувшину, наполненному золой и отрубями; перепрыгивая через костер, старались ударить ногами эти кувшины, так, чтобы они разбились и при этом поднялась пыль, подобно которой якобы должны были исчезнуть все несчастия и бедствия. Во многих кишлаках Каратегина и Северного Дарваза при перепрыгивании через огонь разбивали посуду или куски каменной соли, чтобы передать все

⁶ Е. М. Пещерова. Указ. соч., стр. 374—384 и др.

⁷ С. П. Толстов. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан XI века. «Советская этнография», 1946, № 2.

⁸ С. П. Толстов. Религия народов Средней Азии. «Религиозные верования народов СССР». М.—Л., 1931, т. I, стр. 261.

⁹ Этот праздник у таджиков известен под следующими названиями: *шаби сури*, *чоршанбеи сури*, *чоршанбеи охирон*, *тезии моги сафар*; тюркские народности называют его обычно *кара чоршамба*, *сафар кочти*, *сафар чикти*.

¹⁰ М. Наршахи. История Бухары. Новая Бухара, 1904, стр. 33 (на таджик. яз.).

грехи, бедствия и несчастья им, предотвратить неудачи и убытки, предназначенные судьбой человеку. М. С. Андреев упоминает, что в старину в Касане и других местах (например, в Ходженте), кроме битья посуды, убивали собак¹¹.

Месяц сафар считался весьма несчастливым месяцем. Население Каратегина и Дарваза верило, что бог в течение года насыляет на людей двенадцать тысяч бедствий (*балло*), из которых девять тысяч — в месяце сафар. Поэтому в этом месяце население до революции соблюдало ряд запретов и предосторожностей, чтобы оградить себя от всевозможного несчастья.

Пять первых, средних и последних дней сафара назывались остротой месяца сафар (*тезии мохи сафар*). В эти дни люди старались не бить посуду, не давать посторонним из дома соль, огонь, пищу, не продавать скот, не отправляться в путь и т. п. В некоторых кишлаках в эти дни мужья воздерживались от сношений с женами, так как верили, что родившиеся дети будут несчастными.

Празднование последней среды, несомненно, имеет древнее, домусульманское, происхождение. В. В. Бартольд справедливо замечает, что этот праздник является языческим¹². Мусульманское духовенство всячески старалось искоренить его. В Каратегине, Дарвазе, Кулябе и других местах духовенство считало этот праздник обычаем огнепоклонников, а соблюдение его — вызывающим гнев бога. В Бухаре в конце XIX в. эмир Насрулло под влиянием духовенства приказал раису (блюстителю законов шариата) строго смотреть, чтобы население не исполняло этого обряда¹³.

Под влиянием духовенства мужчины постепенно перестали справлять этот праздник и стали относиться к отдельным его элементам как к простому развлечению. Но женщины до последнего времени продолжали верить в его каноны и соблюдать его.

В древности обряд разжигания костров и прыгания через них был связан с Новым годом. В некоторых кишлаках Каратегина вечером под Новый год разжигали большие костры и жители, заложив за уши или приколол к груди цветы, три раза прыгали через огонь. Этот обычай таджики называли *аловпарак*, а киргизы — *ут устидан йиргиш* — перепрыгивание через огонь.

Об исполнении этого обряда накануне Нового года в Бухаре в X в. упоминает М. Наршахи¹⁴, а в конце XIX в. — Н. Ханьков¹⁵, в Самарканде — автор, выступающий под инициалами В. В.¹⁶ Этот обряд был известен и в Персии в XVII в. под названием *чоршамбей сури*, исполняли его в последнюю среду перед Новым годом, т. е. перед весенним равноденствием¹⁷.

Таким образом, празднование кануна весеннего равноденствия было приурочено к мусульманскому лунному календарю, хотя и продолжало сохранять много следов древних обычаев и обрядов.

¹¹ М. С. Андреев. Поездка летом 1928 г. в Касанский район, стр. 112.

¹² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 114.

¹³ Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 208.

¹⁴ М. Наршахи. Указ. соч., стр. 32.

¹⁵ Н. Ханьков. Указ. соч., стр. 208.

¹⁶ В. В. Науруз в Самарканде. «Туркестанские ведомости», 1897, № 14.

¹⁷ Адам Олеарий. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. Перев. с нем. Павел Барсов. М., 1870, стр. 547.

Таджикский обряд разжигания костров и прыгания через них во многих деталях сходен с древними обычаями, выполнявшимися славянскими народами в праздник Ивана Купалы, совпадавший со временем летнего солнцестояния

* * *

Много магических действий таджиков было связано с началом земледельческих работ — выбор счастливого дня для начала каждого земледельческого процесса, ритуальное начинание каждого действия особым лицом, которое выполняло функции древнего жреца — патрона земледелия — *бобои дехкон* (деда земледельца). Такого человека в Дарвазе, Ванче, Язгуломе называли *шавгуни, шогуни, файгинай*, а в Каратегине — *бобои дехкон*. Представления о живом деде-земледельце более прочно сохранились в Дарвазе, в Каратегине начали исчезать еще в предреволюционные годы. С его именем таджики связывают появление земледелия. Но в записанных нами преданиях он заменен уже дедом Адамом — *бобои Одам*, которого учит земледелию архангел Гавриил (Джабраил), снабдивший его упряжкой волов, сохой и семенами; подобным же образом в преданиях почти всех ремесленников архангел Гавриил выступает в роли учителя, который вручает обученным им патронам ремесла необходимые инструменты.

День первого выхода на работу определяли старики, хорошо знавшие народный календарь и время, считавшееся наиболее благоприятным для того или другого земледельческого процесса. После того, как был назначен «счастливый день», например для посыпания покрытого снегом поля земель или пахоты и посева, шавгуни, или дед-земледелец, приступал к работе. Он совершал ряд магических актов — вставал рано утром, совершал омовение, надевал чистую одежду и читал молитву. Пройти в поле шавгуни должен был так, чтобы никого не встретить. Придя на поле, шавгуни обращался с молитвенными словами к духу деда-земледельца, а затем сыпал небольшую площадку на заснеженном поле земель и возвращался домой. При первой запашке шавгуни запрягал волов в плуг и давал каждому волю по ячменной лепешке, сыпал на землю семена и запахивал их, проводя всего 5—6 борозд. Вечером этого дня шавгуни относил в мечеть несколько лепешек или же похлебку для общей трапезы, называемой *говюги* или *джуфтбарорун*.

Первое ритуальное посыпание заснеженного поля земель, первая запашка и сохранившиеся представления о деде-земледельце являются пережитками древних верований, которые до революции имели широкое распространение по всему нынешнему горному Таджикистану.

* * *

В Каратегине и Дарвазе посевы в основном производились под дождь. Поэтому у таджиков этих горных районов существовали древние обряды, которые, по поверьям, должны были вызвать дождь или его прекратить. Подавляющее большинство этих обрядов носит характер магических действий.

С целью вызова дождя в некоторых селениях левого берега верхнего течения р. Вахш женщины и дети готовили куклу, изображающую старуху — *ашаглон*. На метелку или деревянную лопатку надевали женское платье, повязывали ее платком и сажали такую куклу на козленка, крепко привязав ее веревкой. Козла с ашаглон водили по дворам селения,

исполняя особую песню, которую также называли ашаглон. Хозяйка каждого дома обливала куклу и участников процессии водой и давала им пшеницу, муку, соль, молоко и т. п. Из собранных продуктов приготавливали затем пищу около мазара или возле речки и все собравшиеся съедали ее, после чего обрызгивали друг друга водой.

Характерно, что в песне, исполнявшейся участниками процессии, люди с просьбой о ниспослании дождя обращались не к богу, а к старухе ашаглон. По-видимому, ашаглон изображает какое-то древнее божество, возможно богиню авестийского пантеона — Ардвисуру Анахиту, имеющую отношение к воде, плодородию и растительности.

Другой обряд, имеющий также магический характер, назывался *обшапак*, *обчилак* — обрызгивание или обливание водой, а в некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза — *оталаи пешмазори* — похлебка перед мазаром. Во время этого обряда несколько женщин обходили все дома своего кишлака и собирали продукты. Затем около мазара или возле речки ставили два-три котла и варили похлебку с мучными клёцками на молоке (*умочи ба шир*). После еды хватали кого-нибудь из присутствующих и окунали в воду или же обливали водой. Затем принимались обливать друг друга водой или окунать в реку.

До революции описанные обряды вызывания дождя под разными названиями имели широкое распространение по всей территории нынешнего Таджикистана и Узбекистана. В северных районах нынешнего Таджикистана, а также в некоторых районах Узбекистана (в районах Самарканда, в бассейне р. Сурхан-Дарья и др.) чучело, носимое во время процессии, называли *суст-хотун*, *суст-момо*, *сув-хотун*¹⁸, а угощение соответственно — *туи суст-момо* или *туи суст-хотун*.

Таджикскому обряду вызывания дождя близки подобные ему обряды ряда народов¹⁹.

Описанные обряды несут следы глубокой древности; подтверждением этого служит и то, что главными участниками этих обрядов были у таджиков женщины, первые земледельцы древности; известно также сообщение китайской летописи Таншу о том, что жители Самарканда «в одиннадцатой луне с бубнами и пляскою просят мороза, и забавляются обливанием друг друга водою»²⁰.

К магическим действиям относятся также обряды, исполняемые с целью прекращения дождя, для чего, например, кипятили дождевую воду и плескали ее вверх в небо, или же брызгали дождевую воду на раскаленные стенки очага. Выполняли также обряд опаливания лучами солнца синей тряпки: когда после затяжного дождя наступало прояснение и лучи солнца через окошко падали на пол дома, кого-нибудь из детей или взрослых, родившихся весной, просили «опалить солнце». Ему давали синюю тряпку, которую он привязывал к ручке веника и обжигал место, на которое падали лучи солнца, произнося следующее

¹⁸ Г. Арендаренко. О метеорологических познаниях туземцев Зеравшанского округа. «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1877, № 22; К. А. Богомолов а. Следы древнего культа воды у таджиков. «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР». Сталинабад, 1952, № 2, стр. 117—118.

¹⁹ З. Д. Гаглоева. О пережитках аграрного культа в Джавском районе Юго-Осетинской АО. «Вопросы этнографии Кавказа». Тбилиси, 1952, стр. 320—321; Павел Флоренский. Фаллический памятник Котахевского монастыря. «Живая старина». СПб., 1908, год XVII, вып. I, стр. 56—58; А. С. Фоминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 269.

²⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 310—311.

заклинание: «Солнце, солнце, я тебя жаром обдал, а ты своим жаром обогрей весь мир».

В основе этого обряда лежит имитативная магия или же магическое воздействие на солнце. Синяя тряпка здесь, по-видимому, символизирует ясное небо, а метелка — очищение неба от туч. Магическим обжиганием солнечного пятна люди хотели придать силу солнцу.

Ряд магических действий связан с некоторыми животными и насекомыми, которых для вызывания дождя сжигали, а для прекращения дождя бросали в воду (крысу, клеща и вошь).

У таджиков бытовали представления о связи дождя с покойником: для вызывания дождя клали в воду палки из могил или сухие ветки деревьев с мазара, а для прекращения дождя их сжигали.

* * *

В основе многих обычаев и обрядов лежат анимистические представления. Таковы представления о душе поля, прячущейся в последнем несжатом колосе, о смерти поля при жатве этого колоса, с которым и связано оплакивание жнецами духа поля.

Таджики Каратегина и Дарваза, как и другие горные таджики, считали, что земля имеет душу, воплощенную в хлебе, который растет на ней. Когда хлеб убирают с поля, тогда умирает и земля. Поэтому, когда жатва хлеба подходила к концу, жнецы старались жать хлеб возможно быстрее, «чтобы земля скончалась без мучений». При этом каждый из жнецов про себя молился и три раза громко произносил слова «о, бог!» или «бог один!», т. е. слова, которые обычно восклицают при приближении смерти человека. Если в жатве участвовало несколько человек, то они, заканчивая жатву, громко и протяжно пели ритуальную песню «Ман дог» («Я горюю», «Я скорблю») или «Е, алло!» («О, бог!»).

Существовали также представления о постоянном пребывании на току добрых и злых демонических существ. Считалось, что ток — это скатерть Халиля (одно из имен бога) и там всегда находятся ангелы, которые могут принести удачу в работе и обилие урожая. Для того чтобы не отпугнуть добрых духов, на ток не пускали собак. Женщины, особенно молодые, не должны были ходить на ток, так как опасались, что они могут прийти на ток в период своих месячных очищений.

Ряд запретов был связан с длинной полосой ответвленного чистого зерна — *можк*, считавшегося холмиком над могилой деда-земледельца. Перешагивать через *можк* строго запрещалось, так как предполагалось, что в нем может находиться душа деда-земледельца.

Перед кучей начисто провеянного зерна (*чошт*) клали деревянные вилы, ярмо, деревянную лопату, метлу и пр. Считали, что этот инвентарь — орудие деда-земледельца и почитание его принесет благодать и обилие. Во многих кишлаках Каратегина и Дарваза на кучу зерна клали спелые яблоки, дыни, а также комок глины, принесенный с поля, с которого хлеб убран и обмолочен.

Перед взвешиванием кучи зерна человек совершал омовение и читал молитву. Из кучи зерна одно блюдо выделяли как *божью долю* (*хакки аллох*) для нищих или для сельского учителя. Божью долю давали с целью очищения всего урожая от осквернения, произведенного во время молотбы хлеба животными. В некоторых кишлаках зерно божьей доли мыли и смешивали с остальным собранным хлебом, считая, что в таком случае все зерно будет очищено. Выделение божьей доли, по-видимому, являлось пережитком древних жертвоприношений, находящихся объяснение в симпатической магии.

* * *

Из всего сказанного выше можно сделать следующие выводы.

1. Таджики Каратегина и Дарваза, как и остальные таджики, — исконные земледельцы. В связи с этим они любили и высоко ценили это занятие.

2. Общий низкий уровень производительных сил, бессилие людей в борьбе с суровой природой горных долин, а отчасти и изолированность горных районов от других, более культурных областей Средней Азии породили веру таджиков в сверхъестественные силы, в добрых и злых духов, которые, по их представлению, могли оказать большое влияние на повседневную жизнь людей, на сельскохозяйственные и другие занятия.

3. Горные таджики на протяжении многих веков своего существования выработали и сохранили множество обычаев и обрядов, соблюдавшихся при выполнении почти каждого трудового процесса с целью либо умиротворить «добрых и злых духов» и этим способствовать получению обильного урожая, либо добиться желаемых результатов магическими средствами воздействия. Следы этих древних верований сохранялись в сельскохозяйственных обычаях и обрядах до самой революции.

4. Изучение пережитков, сохраняющихся в быту до настоящего времени, и бытовавших в прошлом обычаев и обрядов представляет большой интерес для исследования истории первобытной религии народов Средней Азии, в частности таджиков.